

А. И.: Есть мнение, что все варианты европейского единства стимулируются мировой закулисой с целью подавления национальных суверенитетов стран, которые могли бы противостоять США (как, например, Франция). Ваше отношение к этой версии?

П. Т.: Я не думаю, что все попытки европейцев скоординировать свои усилия в политике, экономике, культуре, информационном пространстве стимулируются некой единой тайной силой. Вообще, что следует понимать под «мировой закулисой»? Имеется ли тут в виду Трехсторонняя комиссия, Бильдербергский клуб или какая-то другая международная организация? Более определенно можно говорить о мировой политике США, об их стратегической линии на утверждение глобального господства и «нового мирового порядка» во главе с НАТО. Америка заинтересована в поддержании, а бы даже сказал, подогревании националистических настроений в Евразии. Опыт второй мировой войны, локальных вооруженных конфликтов на Балканах, на Кавказе, в Средней Азии и на Ближнем Востоке свидетельствует, что США всегда вмешиваются в регионы межэтнической и межгосударственной напряженности в качестве «третьей», якобы умиротворяющей силы. Ни одна европейская страна в отдельности, ни Россия, ни Германия, ни тем более Франция – не в состоянии сегодня противостоять экономической и военной мощи США.

А. И.: Разочарование в нынешнем объединении Европы по маастрихтскому образцу ведет к усилению националистических партий традиционного типа (Национальный фронт Ле Пена во Франции, Партия свободы Йорга Хайдера в Австрии). Какой национализм Вы считаете более перспективным, традиционный или «общеввропейский» и какими на Ваш взгляд, должны быть отношения между ними?

П. Т.: Национализм, как любой консерватизм вообще, имеет свои достоинства, однако не всегда и не везде. В области народного искусства, в эстетике, в религии и образовании он плодотворен, ибо здоровые корни дают здоровые плоды. А вот в политике, экономике, науке и особенно в современной технике – национализм может привести к противоречивым результатам. Нацистская Германия провоцировала сепаратистские

движения в СССР. Чего она этим достигла? Современный мир стал еще более хрупок. Стремление нарушить сложившееся геополитическое равновесие может вызвать сильную встречную волну. Поэтому, на мой взгляд, более разумно говорить не о типах национализма (кстати, «европейской нации» не существует), а более эффективных, органичных формах народной государственности, культурной экологии, континентальной интеграции и солидарности. Понятно, что Россия в данном случае заинтересована в таких сверх-национальных и сверх-государственных проектах, где ее традиционная роль лидера Евразии будет возрастать.

А. И.: Ле Пен выступает за объединение националистов всех стран. Считаете ли Вы, что «Европа отечеств» (лозунг генерала де Голля) более правильный путь к объединению Европы, чем растворение ныне существующих стран в некоем неопределенном единстве или нет?

П. Т.: Современная европейская интеграция имеет вполне определенные формы: НАТО, ЕС, ЗЕС. Безусловный лидер западной интеграции – США, или, если Вам угодно, «мировая закулиса». Ее идеология – «атлантизм», транс-национализм, космополитизм и либерализм. Опасность подобного типа развития понимал не только генерал де Голль. Однако кто в реальности может быть гарантом «Европы Отецеств»? Ослабленная Франция? Подчиненная американцам Германия? Или, может быть, Бельгия? Союз националистов, о котором говорит Ле Пен, возможен только на независимой от США экономической и военно-политической базе. Введение «евро» – это робкая попытка противостоять диктатуре американского доллара. Но до полной свободы тут еще далеко.

А. И.: В Хартии Европейской синергии употреблен термин «империум» в эволюанском смысле как метафизический принцип, как «сакральная основа» власти. Но что может сделать «сакральной» верховную власть объединенной Европы, если ни христианство, ни язычество не могут эту власть «освятить»? Старые династии на это тоже не способны, «харизматических личностей» на горизонте тоже не видно. А каково Ваше понимание «империума»?

П. Т.: Вы сформулировали сразу несколько сложных вопросов, каждый из которых требует ясного ответа. В традиционном обществе священный принцип «империума» (монархии, королевства, княжества, султаната, эмирата, ханства), основанный на династической правопреемственности, действительно, существовал, хотя нередко он нарушался «правом сильного». Царь (caesar, rex, raja) считался земным воплощением и исполнителем небесного закона, он был наместником бога на земле, обладателем

божественной благодати, почему его символами и были солнце, орел, крест, свастика. Сегодня налицо профанация власти. Властные институты превратились в кормушку для продажных политиканов. Тут на самом деле уместно говорить о закулисных «кукловодах» и талантливых «марионетках». Христианство и последовательное «язычество», если под ним понимать развитую ведическую традицию, в состоянии освятить любую достойную власть, однако сама власть часто оказывается не в состоянии нести бремя святости. Примеры общеизвестны. Кроме того существуют историческое право на восстание, на ненависть к несправедливой власти, право на переворот и революцию. Харизматические личности всегда найдутся, вопрос только в том, насколько они будут соответствовать объективным требованиям эпохи. Другая сторона вопроса касается сакральной географии и имперской геополитики. Не все страны имеют историческое право стать Империей. Например, СССР под советским флагом стала наследницей Российской Империи. А вот Германия даже под знаком свастики не смогла добиться построения желанного Рейха и сегодня превратилась в холуя мирового ростовщика.

А. И.: В то время как европейцы думают о Федерации, мы думаем о том, как бы избавиться от федерации. Как устранить это противоречие? Возможна ли замена уродливой Федерации Федерацией «истинной» и как бы Вы представили себе «истинную Федерацию»?

П. Т.: Здесь, на мой взгляд, следует обратить внимание не на термины, а на саму суть интеграционных процессов. Европейцы стремятся перейти от более мелкой формы государственности к более крупной, а в России речь идет о разделении более крупного государственного организма на более мелкие. Может быть, в иных условиях это и принесло бы пользу, но сейчас, когда мы находимся в глубочайшем структурном кризисе, подобные экспериментирования могут лишь стимулировать развал остатков России. Вся экономика СССР была построена по централизованному принципу. Отказаться от принципа централизма, не подготовив новую экономическую базу, равнозначно отказу от современной экономики как таковой. Проамериканские прорабы «перестройки» попытались включить экономику России в структуру мирового рынка, кардинально изменив ее структурные принципы. И что получилось? Из независимой державы, лидирующей во многих областях науки, техники, экономики, мы превратились в государство полуколониального типа с мелкотоварным производством, в протекторат, в сырьевой придаток Запада. Если Россия, вообще, хочет выжить, ей следует думать не о дальнейшем территориальном дроблении, а об объединении оставшихся сил.

А. И.: Должна ли Россия стать частью объединенной Европы или центром другого объединения на территории бывших Российской Империи и СССР? Будет ли «империум» в России отличен от европейского или нет?

П. Т.: Россия в целом не может быть частью «объединенной Европы», также как весь Китай не может быть частью Индокитая или США частью Центральной Америки. Домонгольская Русь, конечно, была сугубо европейской страной. Однако унаследовав значительную часть территории Золотой Орды, освоив Сибирь, Дальний Восток, Среднюю Азию и Северный Ледовитый океан, то есть став величайшей континентальной Империей, Россия создала собственное пост-европейское пространство. Это пространство сочетает как европейские, так и азиатские качества. Двуглавый орел Российской Империи, унаследованный от трояно-готско-византийской традиции, бдительно смотрит в обе стороны, как на Запад, так и на Восток. Если отрубить русскому державному орлу какую-нибудь одну голову, он перестанет быть и русским, и державным одновременно. Новая Евразийская Империя не будет в точности повторять структуру предыдущих союзов. Преодолев кризис, она станет ультрасовременной державой, основанной на новейших технологиях и эстетических принципах, но в геополитическом смысле останется наследницей Российской Империи, Священного Союза и СССР, то есть будет анти-западным, анти-американским и анти-мондиалистским фронтом.

Москва, 17 ноября 1998 г.